

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Тайна колодца

Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

Неопалимая Купина.
Тайна колодца

«Автор»

2026

Бодякшина И. В.

Неопалимая Купина. Тайна колодца / И. В. Бодякшина —
«Автор», 2026

Колодец не отпускает. Анна и Дима думали, что нашли покой в старом доме на Волге, но прошлое вернулось. Однажды утром из колодца доносится детский плач. На чёрной воде качается старая кукла — та самая, с которой играла пропавшая сестра Димы. А в село приезжает этнограф с картой, на которой отмечен вход в тайный подземный скит. Анна понимает: дверь, которую она зашила три года назад, снова открыта. Тьма, спавшая сто лет, вырвалась наружу. И теперь она хочет забрать её сына. Чтобы спасти ребёнка, Анна должна спуститься туда, где сгорели шесть детей. И заплатить за свет частью себя. Книга вторая. Продолжение романа «Неопалимая Купина».

© Бодякшина И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА. ТАЙНА КОЛОДЦА	5
Пролог. Голос из-под воды	6
Глава 1. Ребенок в колодце	7
Глава 2. Гость из прошлого	9
Глава 3. Тайна под колодцем	11
Глава 4. Следы на снегу	13
Глава 5. Имя на стене	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ирина Бодякшина
Неопалимая Купина. Тайна колодца
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА. ТАЙНА КОЛОДЦА

(Книга вторая)

Пролог. Голос из-под воды

Здесь всегда темно.

И тихо.

Я не знаю, сколько прошло времени. Может быть, год. Может быть, сто лет. Время здесь не течет, как река. Оно стоит на месте, как вода в колодце, куда не падает свет.

Я слышу шаги наверху.

Мягкие. Осторожные. Женщина ходит по двору. Это она. Та, которую я ждала. Та, что пришла забрать икону. Та, что смогла зажечь свет.

Я вижу ее сквозь толщу земли и воды. Как она улыбается. Как она смотрит на свое небо. Как она думает, что все закончилось.

Но это не так.

Она забрала икону. Она собрала род. Она победила коллекционера. Она думает, что тайна закрыта.

Но дверь осталась открытой.

Я жду ее. Каждую ночь я шепчу ее имя. Но она не слышит. Она спит. Рядом с ней мужчина с темными глазами. Он тоже спит.

А я не сплю.

Я помню все. Я помню руки. Я помню огонь. Я помню крик. Я помню, как меня забрали. Я помню, как уронили в эту темноту, чтобы я стала частью дома. Чтобы я стала хранительницей.

Я — то, что осталось от девочки, которую вы ищете.

Я — та, кто не успел уйти.

И сегодня я снова постучу. Но не в дверь. Я постучу в ее сердце. Пусть она услышит. Пусть спустится.

Потому что если она не придет — я заберу ее ребенка.

Глава 1. Ребенок в колодце

С тех пор, как мы купили этот дом, прошло три года.

Три года тишины.

Три года, как икона Неопалимая Купина заняла свое место в красном углу, а колокол на веранде замолчал навсегда.

Я стояла на крыльце с чашкой чая. Утро было ранним, туманным. Волга дышала холодом. Пахло полынью, мокрой землей и старой древесиной.

Дима еще спал. Мои сыновья, Матвей и Фёдор, спали тоже. Они выросли. Матвеем уже исполнилось шестнадцать, Фёдору — четырнадцать. Они привыкли к Шиловке. К деревенской школе. К реке.

Мы жили. По-настоящему жили.

Я больше не слышала колокольчиков. Я больше не видела красного неба. Знаки ушли, как уходят гости после долгого вечера. Но я знала: они рядом. Просто молчат.

Я сделала глоток чая и посмотрела на колодец.

Он стоял во дворе, старый, деревянный, с резным навесом. Вода в нем была чистой. Я часто смотрела туда. И видела небо. Мы залили крышку новым железом, чтобы туда не падал мусор. Дима говорил: «Оставь. Пусть будет закрыт».

Я и оставила. Закрытым.

И вдруг я услышала плач.

Не в голове. Не в сердце. А снаружи. Тонкий, детский голос. Он доносился из колодца.

Я замерла. Чашка в моей руке дрогнула.

— Мам? — раздалось за спиной.

Я обернулась. На пороге стоял Матвей. Взярошенный, в пижаме, сонный.

— Ты слышишь? — спросила я.

— Что? — он зевнул.

Я посмотрела на колодец. Плач прекратился.

— Ничего, — сказала я. — Показалось.

Но я знала: не показалось.

В ту ночь я не спала. Я сидела на кухне, у окна, и смотрела на двор. Луна заливала колодец белым светом. Он казался еще старше, чем был.

Я думала о том, что было три года назад. О том, как спускалась в этот колодец. Как нашла крест. Как победила Аркадия. Как мы купили дом. Как родили новую жизнь.

А потом услышала плач.

Он повторился. Тонкий. Тихонький. Как будто где-то далеко плакала девочка.

Я встала. Накинула платок. Вышла во двор.

Ветер стих. Трава была мокрой от росы. Я подошла к колодцу. Коснулась рукой холодного дерева.

— Кто здесь? — спросила я.

Тишина.

— Я знаю, что ты есть. — Голос мой дрогнул. — Покажись.

И тут я услышала шепот.

Он был внутри колодца.

— Ты не пришла, — сказала девочка. — Я ждала тебя.

Я отшатнулась.

— Кто ты?

— Ты знаешь, — сказала она. — Я — та, кого ты ищешь.

В голове зазвенели колокольчики. Впервые за три года. Громко, тревожно. Я схватилась за край колодца.

— Марина? — прошептала я.

Тишина.

А потом плач. Громче. Отчаяннее. Как будто девочка плакала не от боли. А от одиночества.

Я вернулась в дом. Разбудила Диму.

— Что случилось? — спросил он.

— В колодце кто-то есть.

Он сел на кровати. Посмотрел на меня. В его глазах был страх. Тот самый, который был, когда он искал сестру.

— Ты уверена?

— Я слышала голос.

Он встал. Оделся. Мы вышли во двор.

— Открывай, — сказал он.

Я отодвинула железную крышку. В лицо пахнуло холодом и сыростью.

Дима посветил фонариком.

Вода была черной. Как смоль. И на поверхности плавала кукла.

Старая, тряпичная. В платье. С косичками.

Дима замер.

— Это кукла моей сестры, — прошептал он. — Я помню ее. Мы играли с ней во дворе.

Перед тем, как она исчезла.

Я посмотрела на него.

— Значит, она жива.

— Или она умерла, — сказал он. — И это ее дух.

Мы стояли и смотрели на куклу. А кукла смотрела на нас. И улыбалась.

А в голове у меня звенели колокольчики. И я знала: это только начало.

Днем в селе началось странное.

Бабка Серафима, которая жила через две улицы, вышла из дома и долго стояла посреди дороги. Она смотрела на наше окно. Просто стояла и смотрела. Я махнула ей рукой, но она не ответила. Развернулась и ушла. А вечером я узнала, что она сказала соседке: «Из колодца опять пахнет. Плохо это. Скоро кто-то уйдет».

Я не придавала значения. В селе всегда ходили слухи. Но когда я пошла кормить кур, то увидела, что ворота в сарай открыты. Хотя Дима всегда закрывал их на щеколду.

Я подошла к сараю. Заглянула внутрь. В темноте что-то блеснуло. Я взяла фонарик. И увидела на полу мокрые следы. Маленькие. Босые.

Они вели от колодца к дому. И обратно.

Я вернулась в дом. Села на стул. И стала смотреть на икону.

Она сияла. Ярко. Тепло. Как будто говорила: «Я здесь. Я рядом. Но я не смогу защитить тебя от того, что ты сама открыла».

Я встала. Подошла к иконе. Коснулась ее рукой.

— Господи, — сказала я. — Что мне делать?

И в этот момент я услышала голос. Не в голове. Не в ушах. В сердце.

— Иди в колодец.

Я замерла.

— Я боюсь.

— Я знаю. Но ты должна.

Я закрыла глаза. И впервые за три года почувствовала, что я не одна.

Глава 2. Гость из прошлого

Утром мы с Димой вытащили куклу из колодца.

Она была тяжелой, пропитанной водой. Тряпичное лицо потемнело от времени и сырости, но улыбка осталась. Та самая, кривая, детская улыбка, которую вышивала чья-то мать, не жалея красных ниток. Я завернула куклу в старую рубаху и отнесла в дом. Дима ходил мрачнее тучи. Он не спал всю ночь, сидел на крыльце и смотрел в сторону Волги, как будто ждал, что оттуда кто-то придет.

— Я не понимаю, — сказал он, когда мы сели за стол на кухне. — Если она умерла, почему кукла цела? Тряпка бы сгнила за двадцать лет в воде. Даже в колодце. Даже без света.

— Значит, кто-то положил ее туда недавно, — ответила я, глядя на почерневшее лицо куклы. — Кто-то, кто знает про Марину. Кто-то, кто хочет, чтобы мы начали искать.

Дима сжал кулаки так, что побелели костяшки. Я видела, как в нем закипает ярость. За эти три года он свыкся с мыслью, что сестра мертва. Он похоронил ее внутри себя. А теперь эта надежда, которая может убить быстрее любого ножа.

— Я найду его, — сказал Дима. — Кто бы это ни был. Найду и заставлю сказать правду.

— Найдешь, — согласилась я. — Но сначала мы должны понять, зачем он это делает.

В полдень в село приехал гость.

Я как раз развешивала белье во дворе, когда у калитки остановилась черная машина. Не простая. Дорогая. Такие машины в Шиловке не ездят — здесь дороги разбитые, а грязь по колено. Из машины вышел мужчина.

Высокий, худой, в очках. В руках он держал старый кожаный портфель и трость. Трость была не для ходьбы — он держал ее как аксессуар, как держат зонт в солнечный день. Он выглядел как учитель из города. Как человек, который приехал читать лекции, а не искать правду.

— Добрый день, — сказал он, подходя к калитке. Голос у него был мягкий, вкрадчивый. — Меня зовут Виктор Львович. Я этнограф. Изучаю старообрядческие скиты Поволжья.

Я выпрямилась. Вытерла руки о фартук. Что-то в нем было не так. Слишком гладкий голос. Слишком вежливая улыбка. Как у Аркадия. Только тот был грубым, шел напролом, угрожал. А этот — мягким. Он улыбался так, как улыбаются люди, которые точно знают, что получают свое.

— Анна, — сказала я. — Чем могу помочь?

— Мне сказали, что в вашем доме сохранились старые вещи. Иконы. Утварь. Предметы быта. — Он поправил очки. — Я пишу научную работу. Мне нужны материалы. Я готов заплатить. Хорошо заплатить.

— У нас нет ничего на продажу, — отрезала я.

— Я не покупаю, — улыбнулся он. — Я изучаю. Мне достаточно посмотреть. Сфотографировать. Может быть, взять на время. Для исследования.

В этот момент из дома вышел Дима. Он остановился на крыльце. Виктор Львович посмотрел на него, и я увидела, как его глаза сузились. Как будто он узнал его. Или ждал встречи. Как будто весь этот разговор с самого начала был не со мной.

— Здравствуйте, — сказал Виктор. — А вы, должно быть, Дмитрий?

Дима напрягся. Я увидела, как его рука потянулась к двери, как будто он хотел захлопнуть ее. Но он остался стоять.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я о вас слышал. — Виктор улыбнулся шире. — Вы искали сестру. Двадцать лет. Марина, кажется? Такая маленькая девочка. С косичками. С яблоком в руке.

Повисла тишина. Я услышала, как скрипнули половицы под ногами Димы. Он спустился с крыльца и подошел к калитке. Медленно. Как хищник.

— Откуда вы знаете про Марину?

— Я много чего знаю, — сказал Виктор. — Например, знаю, что в этом доме есть колодец. И что в этом колодце есть дверь. И что за дверью — комната. И в этой комнате когда-то жила девочка. Очень давно. Но, возможно, не так давно, как вы думаете.

У меня похолодели руки. Я схватилась за забор. Дима шагнул вперед, готовый схватить Виктора за грудки.

— Кто ты такой?

— Я тот, кто знает правду, — сказал Виктор. — И я приехал, чтобы ее рассказать. Но сначала мне нужно посмотреть на то, что вы нашли в колодце. Куклу.

— Откуда вы знаете про куклу? — прошептала я.

— Потому что я ее туда и положил, — сказал он.

Мы стояли, не в силах двинуться. Виктор достал из портфеля старую карту. Желтую, потертую, с загнутыми краями. Развернул ее. На карте был наш дом. И колодец. Отмеченный красным крестом. А рядом с крестом — едва заметная надпись, сделанная старыми чернилами.

«Здесь вход. Не открывай. Пока не придет та, кто услышит».

— Здесь, — сказал он, ткнув пальцем в крест. — Здесь находится не просто колодец. Здесь находится вход в скит. Подземную молельню. Тайное место, где поморцы прятали иконы. И не только иконы. Людей. Детей.

Дима посмотрел на карту. Потом на меня. Потом снова на Виктора. Его лицо было белым, как мел.

— Что там? — спросил он.

— То, что вы ищете, — сказал Виктор. — И то, что может вас убить.

Глава 3. Тайна под колодцем

Мы пустили его в дом.

Не потому, что поверили. А потому что нам нужна была правда. Любая. Даже от врага. Даже если этот враг улыбается так, что хочется закрыть дверь и никогда не открывать.

Виктор сидел на кухне и пил чай. Он держал чашку обеими руками и смотрел на икону в углу. Долго, молча. Потом сказал:

— Красивая. Неопалимая. Настоящая. Ей лет двести, не меньше.

— Не трогай ее, — сказала я.

— Не буду. — Он поставил чашку. — Я приехал не за ней. Я приехал за картой. И за правдой о моей семье.

Дима сел напротив него. Я стояла у печи, скрестив руки на груди. В доме было тихо. Дети ушли в школу, но я знала, что Фёдор остался. Он сидел в своей комнате и слушал. Я чувствовала его присутствие.

— Рассказывай, — сказал Дима.

Виктор вздохнул. Снял очки. Протер их платком. Надел обратно. Это было медленно, театрально, как будто он репетировал этот жест.

— В 1912 году мой прадед был смотрителем скита. Это был тайный скит, который находился под землей. Здесь, на этом месте. Поморцы прятали там иконы. И детей. Чтобы спасти их от гонений. — Он посмотрел на Диму. — В 1915 году скит сожгли. Мой прадед помогал его жечь. Он был из другой веры. Он считал, что прятать иконы — грех. И он сжег скит вместе с людьми.

Дима побледнел.

— С людьми?

— С детьми, — сказал Виктор. — Их было шестеро. Они не успели выйти. Все сгорели.

— Что это значит? — спросила я.

— Это значит, что в этом колодце не просто вода. Это братская могила. И если в нем появляются куклы, значит, кто-то хочет, чтобы вы нашли тела.

Дима вскочил.

— Моя сестра не была в ските! Ее похитили! Она играла у колодца!

— А вы уверены? — спросил Виктор. — Может быть, она не играла. Может быть, она спустилась туда сама. Может быть, она и есть одна из тех шести детей. Просто она была не 1915 года. Она была 2005-го.

Повисла тишина. Я услышала, как в соседней комнате заплакал Фёдор. Он стоял в дверях и смотрел на нас. Большой мальчик, который все слышал. Который не должен был этого слышать.

— Мам? — сказал он. — Кто это?

— Никто, — сказала я. — Иди к себе.

Но Фёдор не ушел. Он смотрел на Виктора. И вдруг сказал:

— Я знаю, кто он. Я видел его во сне.

Мы все обернулись.

— Что? — прошептала я.

— Я видел его во сне, — повторил Фёдор. — Он стоял в темной комнате. И держал в руках куклу. А рядом с ним была девочка. Она плакала. И просила: «Не надо. Пожалуйста. Не надо».

Виктор побледнел. Впервые за весь разговор его лицо потеряло спокойствие. Он посмотрел на Фёдора, и в его глазах был страх. Настоящий. Животный. Как у Аркадия, когда зазвонил колокол.

— Мальчик, — сказал он. — Ты уверен?

— Да, — сказал Фёдор. — Он был в комнате под колодцем. Он положил куклу в воду.

И сказал: «Пусть она вспомнит».

Виктор встал. Резко. Отодвинул стул. Посмотрел на Диму. Потом на меня.

— Ваш сын видит, — сказал он. — Это опасно. Опасно для него. И для вас.

— Что опасно? — спросил Дима, шагнув к нему.

— То, что вы разбудили, — сказал Виктор. — Когда вы спустились в колодец три года назад. Когда взяли крест. Вы думали, что закрыли дверь. Но вы ее открыли. И теперь оттуда выходит то, что спало сто лет.

Он взял портфель. Направился к двери.

— Подождите, — сказала я. — Вы не можете уйти просто так.

— Могу, — сказал он, обернувшись. — И уйду. Потому что если я останусь, будет хуже.

Но я вернусь. Завтра. И принесу то, что поможет вам понять, с чем вы столкнулись.

Он вышел. Хлопнула дверь. Мы остались втроем: я, Дима и Фёдор.

Фёдор подошел ко мне. Обнял. Я почувствовала, как он дрожит.

— Мам, — сказал он. — Я боюсь.

— Я тоже, — сказала я. — Но мы справимся.

Я посмотрела на икону. Она сияла. Впервые за три года — ярко, как тогда. Как будто хотела что-то сказать. Как будто предупреждала.

А в голове у меня снова зазвенели колокольчики. Громко. Тревожно. Как будто кто-то стучал из-под земли. И хотел, чтобы я услышала.

Ночью я не спала.

Я вышла во двор. Ветер стих. Трава была мокрой от росы. Я подошла к колодцу. Коснулась рукой холодного дерева.

И тут я увидела следы. Маленькие. Босые. Они вели от колодца к дому. И обратно.

Я замерла.

— Кто здесь? — спросила я.

Тишина.

А потом я услышала голос. Не в голове. Не в ушах. В сердце.

— Не бойся. Это я. Марина.

Глава 4. Следы на снегу

Я не сказала Диме о следах.

Он и так ходил сам не свой. После разговора с Виктором он заперся в кабинете и сидел над архивами. Он искал скит. Искал доказательства того, что Марина была там. Он не спал. Не ел. Только пил крепкий чай и курил в форточку, хотя бросил три года назад.

Я видела, как он тает. Как его плечи опускаются. Как взгляд становится тяжелым, как у загнанного зверя. За эти три года он свyksя с мыслью, что сестра мертва. Похоронил ее внутри себя. Построил стену. А теперь эта стена рушилась. И вместе с ней рушился он.

А я начала бояться выходить во двор.

Это началось на третий день после приезда Виктора. Я проснулась рано. Очень рано. Когда небо только начинало светлеть, а туман еще лежал на Волге. Я вышла на кухню, чтобы поставить чайник. И посмотрела в окно.

На снегу были следы.

Они шли от колодца к дому. И обратно. Маленькие. Босые. Как у ребенка лет пяти.

Я замерла. Сердце ударило в ребра. Я подошла к двери. Открыла ее. Вышла на крыльцо.

Мороз обжег лицо. Я спустилась по ступенькам. Подошла к следам. Присела на корточки.

Следы были четкими. Как будто их оставили только что. Маленькая ножка. Пять пальцев. Я провела рукой по снегу. Он был холодным. Но в этом холоде было что-то живое. Как будто следы дышали.

Я выпрямилась. Посмотрела на колодец. Он стоял, накрытый железной крышкой. Тихий. Мирный.

— Кто здесь? — спросила я.

Тишина. Только ветер шуршал ветками яблонь.

Я вернулась в дом. Села на стул. И стала смотреть на икону.

Она сияла. Ярko. Тепло. Как всегда. Но сегодня в этом свете было что-то другое. Что-то, чего я не видела раньше. Тревога. Как будто икона хотела меня предупредить.

Я сказала об этом тете Шуре.

Она сидела на кухне, пила чай и смотрела на меня поверх очков. В ее доме всегда пахло сушеными травами и воском. Полынь, зверобой, чабрец — пучки висели под потолком, и тени от них ложились на стены странными узорами.

— Не ходи туда, — сказала она. — Это не люди.

— А кто? — спросила я.

— Те, кто помнит, — сказала она. — Те, кому ты нужна.

Она встала. Подошла к печке. Достала из-за иконы мешочек. Протянула мне.

— Это зверобой и полынь. Окури дом. Каждую комнату. Особенно детские. И не открывай окна на ночь.

— А колодец? — спросила я.

— Колодец, — она вздохнула. — Колодец ты не закроешь. Пока он сам не закроется.

Я взяла мешочек. Он был теплым. Пах горько и солнечно.

— Теть Шур, — сказала я. — А кто такая Феодосия?

Она замерла. Чашка в ее руке дрогнула. Чай выплеснулся на клеенку.

— Где ты слышала это имя?

— В дневнике. В старом дневнике, который мы нашли на чердаке.

Она долго молчала. Смотрела в окно. Потом сказала:

— Феодосия была ведуньей. Из нашего рода. Она жила здесь. Давно. Очень давно. Она держала скит. И она сгорела в нем.

— Но она жива, — сказала я. — Она говорит со мной.

Тетя Шура посмотрела на меня. И в ее глазах был страх. Настоящий. Животный. Такой же, как у Фёдора, когда он видел сны.

— Тогда, — сказала она, — тебе нужно быть очень осторожной. Потому что Феодосия не просто дух. Она — хранительница. И если она заговорила с тобой, значит, она хочет что-то передать.

— Что?

— Не знаю, — сказала тетя Шура. — Но я знаю одно. Пока она говорит — она держит тьму. Если она замолчит — тьма выйдет.

Я вернулась домой. В доме было тихо. Дима все еще сидел в кабинете. Дети были в школе.

Я взяла мешочек. Достала зверобой и полынь. Подожгла. Дым пошел вверх. Тянулся к потолку. Я ходила по комнатам. Мазала дымом углы. Шептала молитву.

И вдруг, в детской, дым пошел вниз. Стеллся по полу.

Я замерла.

— Фёдор? — позвала я.

Он вышел из комнаты. Сонный. Живой.

— Мам? Почему так пахнет?

Я схватила его. Обняла. И в этот момент увидела за его спиной тень.

Она стояла. Смотрела. И улыбалась.

Это была не Марина. И не Феодосия. Это было что-то другое. Что-то, что я видела в ските. Что-то, что пришло с огнем.

Я закричала. Тень исчезла. Фёдор вырвался из моих рук.

— Мам! Что с тобой?

— Ничего, — сказала я. — Ничего. Просто... показалось.

Я не спала до утра. Я держала Фёдора за руку. И молилась.

А утром в дверь постучали.

На пороге стоял Виктор. Он был бледным. Руки дрожали. Он выглядел так, как будто не спал неделю.

— Я был в ските, — сказал он. — Я нашел там имена. И одно из них — ваше.

Глава 5. Имя на стене

Мы сидели на кухне. Виктор положил на стол старую тетрадь. Кожаный переплет, пожелтевшие страницы, запах гари.

— Это дневник моего прадеда, — сказал он. — Я нашел его в архиве. Вчера ночью. Прочитал. От корки до корки. И понял, что вы были правы.

Он открыл тетрадь на середине. Ткнул пальцем в строчку, написанную витиеватым почерком.

— «1915 год. Мы сожгли скит. Но один ребенок выжил. Девочка. Мы не смогли ее найти. Она спряталась в колодце. И мы замуровали колодец. Чтобы она не вышла».

Дима побледнел.

— Это Марина?

— Нет, — сказал Виктор. — Это Феодосия. Одна из шести. Она выжила. И она до сих пор там.

— Как? — прошептала я. — Прошло сто лет.

— Она не человек, — сказал Виктор. — Она — дух. Она держит тьму внутри колодца. И пока она там, тьма не выйдет. Но когда вы спустились три года назад, вы забрали крест. И печать сломалась.

Я вспомнила ту ночь. Как я спускалась в колодец. Как нашла крест. Как приложила его к иконе. И как икона вспыхнула.

— Что нам делать? — спросил Дима.

— Закрывать дверь, — сказал Виктор. — Но для этого нужен ключ.

— Какой ключ?

Виктор посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.